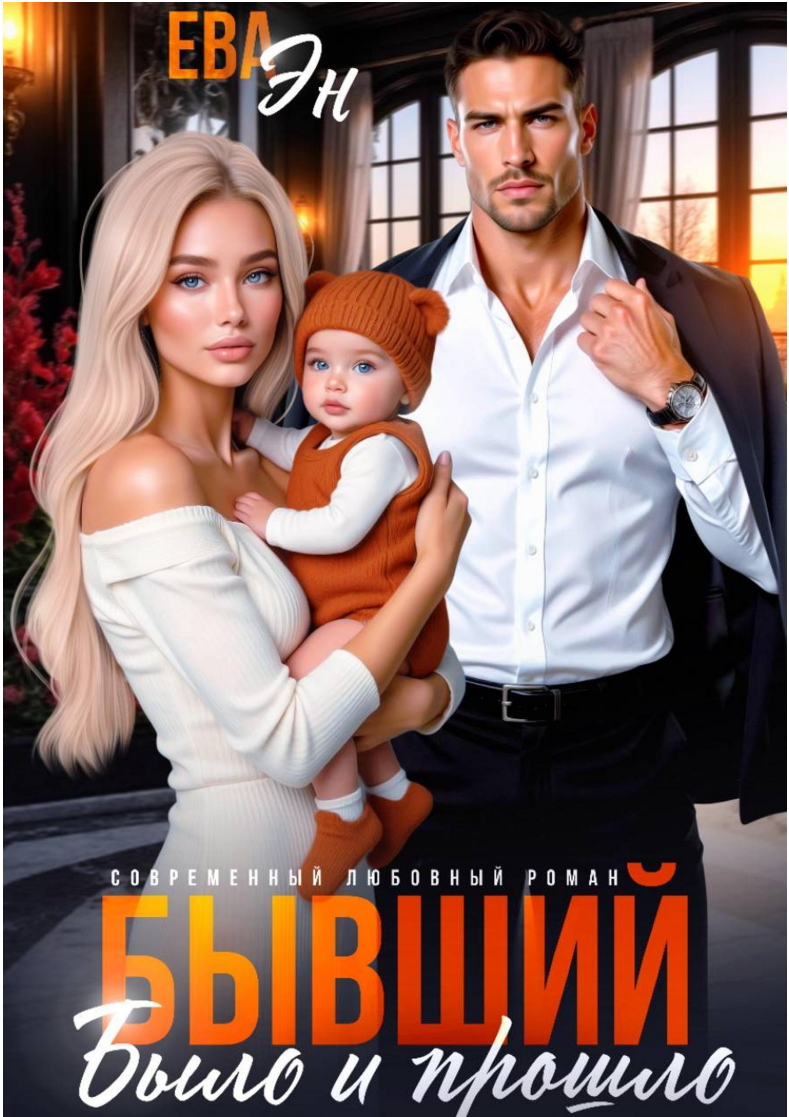

ЕВА Эн
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
БЫВШИЙ
Было и прошло

Ева Эн
Бывший. Было и прошло

https://litres.ru/74812169
SelfPub; 2026

Аннотация

Я держусь за свою большую дорожную сумку - это всё, что беру с собой в новую жизнь - несколько личных вещей и воспоминания.

Да, уезжаю, даже не объясняясь.

Полагаю, так будет лучше для всех. Для него. Для меня.

С этого дня начинается новая страница моей жизни. Однако сейчас, сидя на вокзале в ожидании междугороднего рейсового автобуса, я ещё не знаю, что беременна...

***

- Почему ты не сказала о том, что у меня есть дочь?

Молчу, просто потому что подбираю слова, которых просто нет. Но потом вспоминаю, через что мне одной пришлось пройти за всё то время, пока мы с ним не виделись, и усмехаюсь с горечью.

Ну а дальше я отвечаю своему самоуверенному бывшему, неожиданно возникшему на пороге моей скромной жилплощади, с ироничным сарказмом:

- Ты же о своей жене мне не рассказывал! С какой стати я буду докладывать тебе о своей жизни? Да, у нас с тобой общее

прошлое, но это не значит, что я должна держать тебя в курсе всего, что происходит.

- Чёрт возьми, - рычит Тимур, - это не одно и тоже!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ева Эн
Бывший. Было и прошло

Пролог

Я сижу на столичном автовокзале, в ожидании рейсового автобуса. Вокруг меня кипит жизнь: люди снуют туда-сюда, кто-то торопится на посадку, группка студентов оживлённо обсуждает что-то за углом, а неподалёку мужчина средних лет покупает себе беляш, видимо, слишком горячий, потому что потом он перехватывает его из руки в руку, энергично дуя.

Радостные и не очень лица мелькают мимо. Рядом проходит пожилая пара, обсуждая что-то между собой, их лица спокойны и дружелюбны. Недалеко возмущённо спорят двое мужчин, один из них сердито жестикулирует, не соглашаясь с собеседником.

Мимо меня идёт мамаша с маленьким ребёнком, который капризничает и настойчиво выпрашивает мороженое. Видно, как женщина устала от его бесконечных требований, и тем не менее отвечает мягким, но твёрдым голосом:

- Вот сначала сядем в автобус, а потом, если будешь хорошо себя вести, то на первой остановке куплю тебе мороженое.

Я же - реву. Беззвучно, стараясь не привлекать внимания. Если кто-то из прохожих и замечает моё состояние, виду не подаёт - чужие жизни и боль здесь никого не волнуют. Окружающие заняты своими делами, каждый в собственных проблемах и мыслях.

По громкоговорителю объявляют очередные рейсы, но их сложно разобрать, среди общего шума вокзала. Здесь все со своим маршрутом, пассажиры направляются в разные стороны - кто-то на юг, кто-то на запад, каждый устремлён в родные или совершенно новые места.

Я держусь за свою большую дорожную сумку - это всё, что беру с собой в новую жизнь - несколько личных вещей и воспоминания.

Глава 1

События ранее...

В университете заканчиваются последние пары, и я, купая голову в мыслях о предстоящем свидании, выхожу из аудитории. Коридор гудит разговорами и смехом, студенты спешат по своим делам, внося свой вклад в общий хаос.

Пробираясь сквозь толпу, ловлю на лету яркие разговоры, полные слухов и интриг:

- На следующей неделе зачёт у Петрова, а я совсем не готов.

- Не парься! Говорят можно сдать бутылкой коньяка.

- У Трофимовой снова проблемы с соседкой по общаге.

На улице оказывается не менее многолюдно, чем в коридоре. Воздух пропитан современными мелодиями из чьих-то наушников и обрывками разговоров. Группы студентов стоят кучками, активно делясь последними новостями.

- Слышала, что в общежитии на втором этаже пожарную тревогу включили не из-за учений, а из-за перегоревшего чайника? - громко интересуется одна из девушек у подруги.

Кстати, меня тоже обсуждают:

- Смотри, Дашка Волошина идёт! Клянусь, что видела на парковке “Рейндж-Ровер” Тимура Закирова, теперь понятно почему!

- Он что, всё еще с ней? Сколько они уже вместе, месяца

три?

“Три месяца, две недели и один день, если быть точнее”, - хочется мне ответить. Но вместо этого я прохожу мимо, широко улыбаясь. И это не учитывая пару месяцев ухаживаний до того, как мы официально начали встречаться!

Тимур Закиров - самый обсуждаемый парень в университете. Красавчик, всегда в центре женского внимания. Девчонки гроздьями на него вешаются, но он добивался меня на глазах у всех, несмотря на завистливые взгляды и шёпот за спиной.

Сказка, правда? Я - всего лишь простая девчонка из бедного района и из обычной семьи, живущая от стипендии до стипендии, а его отец - верхушка нашего мира! Тимур - его единственный наследник с невероятной кучей перспектив - привилегированный мажор с дорогими тачками, квартирой в центре и тусовками на “Патриках”.

Я сразу замечаю его в окружении парней на парковке. Он выделяется среди них. Уверенные движения, блуждающая полуулыбка - он совершенно не старается произвести впечатление, но делает именно это. Кажется, все взгляды прикованы к нему.

При виде меня он кивает друзьям в мою сторону, мол, всё, теперь я занят.

Затем на его лице появляется та самая широкая улыбка, которую я так люблю. Он сразу же подходит ко мне, забирает мой рюкзак и обнимает меня, собственнически закидывая

руку мне на плечи.

Этот жест для окружающих, но он значит для меня больше, чем куча высоких слов: “я выбираю тебя среди множества других”. И это осознание делает всю нашу историю особенной.

- Привет, - тихо шепчет он, глядя прямо в глаза, и в этот момент кажется, что весь мир вокруг замирает, потому что он склоняется ко мне и припечатывает мои губы нежным поцелуем.

Кажется, что по толпе прокатывается женский завистливо-восхищённый вздох.

Затем Тимур подмигивает мне, открывает дверь своей машины, закидывает в салон мой рюкзак, потом подсаживает меня на переднее пассажирское сиденье и с лёгкой улыбкой говорит:

- А теперь, поехали.

Он выруливает на дорогу и вклинивается в поток машин, бросив на меня короткий взгляд:

- Как прошли лекции?

- Неплохо, - отвечаю я, кивая. - Хотя, честно говоря, последняя пара по философии была настолько скучной, что я еле удержалась, чтобы не уснуть.

- Знакомо. Препод повторяет одно и то же с такой монотонностью, что даже самые стойкие начинают зевать.

Пока он говорит, несколько раз на панели срабатывает блютуз с телефонным входящим, но Тимур хмурится и от-

клоняет вызов.

- Это отец, - поясняет он. - Позже с ним поговорю.

Я понимаю его нежелание обсуждать семейные дела при мне на громкой связи, и это нормально. Меня это нисколько не беспокоит.

- Всё в порядке, - отвечаю с улыбкой.

С родителями Тима я уже знакома лично. Меня несколько раз приглашали на ужин к ним домой. Честно говоря, каждый раз, сидя в их просторной столовой вчетвером за огромным столом, сервированным изысканным серебром, я чувствовала себя несколько неуютно.

Строгая обстановка и разговоры на темы, в которых я не всегда чувствовала себя уверенно, вводили меня в замешательство. Было видно, что его родители хотели познакомиться со мной как с частью жизни своего сына, но вряд ли мне удалось их впечатлить.

Мама Тимура сдержанно улыбалась, хотя и не скрывала, что выбор её сына она не одобряет, а папа - столичный мэр Равиль Галиевич - смотрел на меня не иначе как на небольшое препятствие в жизни своего золотого сына.

Глава 2

- Какие планы на вечер? - спрашивает Тим, в то время как тянется и сжимает моё колено, с явным намерением предложить свои.

Тут же краснею. Он мой первый мужчина, и я пока не привыкла открыто обсуждать такие вещи. Лёгкое смущение трепетом пробегает по телу.

- Никаких особых нет, - отвечаю я. - А у тебя какие предложения?

Тим провокационно улыбается в ответ, замечая мою реакцию, как будто уже обдумал десяток различных сценариев, и я мгновенно понимаю, что скучным этот вечер точно не будет.

- Тогда закинешь рюкзак, поужинаем где-нибудь, заскочим на "Патрики" и ко мне, - предлагает он.

- Если ехать к тебе, то я к практике по гражданскому праву подготовиться не успею, - говорю, ясно осознавая важность своего учебного расписания. - А там завтра строгий преподаватель, ни одной ошибки не прощает.

Тим, похоже, не испытывает того же ужаса перед учебным процессом и часто относиться к нему несерьёзно, ведь в его мире всё решают деньги и связи. А мне - студентке на бюджете приходится пробиваться своими силами.

- Ладно, - отвечает он, подмигивает мне, но потом заяв-

ляет со всей серьёзностью. - Я тебя сам поднатаскаю. Совместим полезное с приятным? Меня это мало возбуждает, но так и быть, выделим часок на подготовку к гражданскому праву.

Я обдумываю его предложение. Идея кажется даже разумной, особенно с учётом того, что Тим старше меня и уже прошёл этот курс год назад у того же преподавателя. Значит, ему хорошо известны все нюансы.

- Хорошо, - соглашаюсь я. - Только учти, что конспектов и учебников целая куча. У тебя найдётся место, где я могу всё это разобрать?

Тим только хмыкает, подтверждая, что всё давно предусмотрено.

- Обещаю даже не приставать к тебе, пока мы не разберём все вопросы по договорной ответственности.

Его план звучит заманчиво.

Мы подъезжаем к подъезду моей старенькой хрущевки в районе Перово. Здесь его шикарный чёрный “Рейндж-Ровер” смотрится несколько инородно, словно в нашем дворе приземлилась настоящая летающая тарелка.

- Я быстро. - Тянусь, чтобы чмокнуть Тимура в щеку, но он ловит мои губы, затягивая в долгий, нежный поцелуй.

Время будто останавливается. Пульс зашкаливает.

Тим отрывается от меня только тогда, когда дыхания не хватает нам обоим.

Выскальзываю из машины и поднимаюсь по хорошо зна-

комым обшарпанным лестницам. Открыв дверь своей квартиры, врываюсь внутрь с привычной фразой:

- Мам, я дома!

Она встречает меня без особого интереса, как будто моё появление - всего лишь часть ежедневной рутины.

Когда я появляюсь в нашей крохотной гостиной, мама сидит на диване с пультом от телевизора и глиняной маской на лице, лениво переключая телевизионные программы. Её мысли, кажется, полностью погружены в происходящее на экране.

С тех пор, как папы не стало, в нашей жизни многое изменилось. Прошло двенадцать лет, и теперь каждый месяц у мамы появляется новый мужчина, который на короткое время становится моим отчимом, но надолго ни один из них у нас не задерживается. Они сменяют друг друга настолько часто, что я уже перестала пытаться запоминать их имена.

Маме некогда заниматься ни мной, ни моим младшим братом, который, как и я, уже свыкся с постоянной текучестью “кадров” у нас дома. Только вот, в отличие от меня, он в свои скромные двенадцать, не помнит отца и, честно говоря, вряд ли знает наверняка, кто его отец.

- Где Костик? - интересуюсь я.

Комната наполнена яркими восклицаниями Малахова и музыкой рекламой, а я стою в дверном проёме, разглядывая привычный опостылевший интерьер, где каждый уголок подчёркивает убогость нашей с братиком жизни.

Этот вечер ничем не отличается от других и кажется обыденным: ни задушевных разговоров, ни свежеприготовленного ужина, ни тёплого семейного общения - только тяжесть усталого молчания и толика грусти.

Мама, не отрываясь от трансляции, едва заметно машет рукой в сторону кухни. Я следую её указанию и вижу, как Костик старательно склонился над тетрадками.

- Привет, - говорю я.

- Привет, - отвечает он, не поднимая глаз от учебников. - Тут по математике задачка запутанная. Поможешь?

Меня гложет такая безысходность, что порой она кажется непосильной ношей. Я стараюсь не показывать ему, насколько меня всё это достало, и, улыбнувшись, говорю:

- Конечно, помогу. Ты ел?

- Нет, - тихо отвечает он.

Я заглядываю в его учебник, быстро улавливая суть задачи, и начинаю объяснять, где он допустил ошибку. Мои слова звучат спокойно и уверенно, хотя плечи давно поникли от груза ответственности, который я на себя взвалила.

Пока мы обсуждаем решение, я продолжаю действовать на автомате: достаю хлеб, нарезаю колбасу и свежие ломтики помидоров и готовлю для Костика пару бутербродов.

- Исправь вот тут, - говорю я, когда ставлю перед ним тарелку с едой, - и тут. - Замечаю, как его глаза начинают блестеть с благодарностью за такую простую, но важную заботу.

В этот момент он поднимает глаза и спрашивает:

- Ты надолго, Даш?

Я понимаю, что он заметил: я до сих пор не сняла куртку, и мой вид свидетельствует о скором отъезде.

Улыбаюсь и слегка треплю рукой его волосы.

- Не совсем, - отвечаю я. - Но ты не отлынивай, доделывай уроки и ложись, а я привезу тебе что-нибудь вкусненькое! Обещаю.

Вижу, как его глаза наполняются ожиданием и маленькой долей надежды, и, клянусь, что в этот момент проклинаю нашу мать, которая променяла нас с Костиком на свою личную жизнь.

Глава 3

Перед выходом я решаю быстро переодеться: меняю удобные джинсы на юбку. Распускаю привычный хвост и расчесываю волосы, стараясь не задерживаться.

- Мам, я ушла!

В ответ снова тишина. Ни вопроса о том, во сколько я вернусь, ни интереса к моим делам в университете. Ничего нового. Кажется, она даже не поворачивает голову в мою сторону.

Бросаю в рюкзак учебники и, махнув Костику, выскакиваю из дома. Мне хочется чмокнуть его в щёку, но в 12 лет мальчишки считают себя уже такими взрослыми, что подобные проявления нежности могут вызвать у них смущение и даже лёгкое возмущение.

Забравшись на сиденье “Рейндж-Ровера”, замечаю внимательный взгляд Тима. Он смотрит на меня вдумчиво, как будто оценивает моё состояние, но остаётся молчаливым. Я благодарна ему за это.

Тимур знает о моей ситуации в семье, и я ценю, что он не комментирует и не задает вопросов, которые могли бы вывести меня из равновесия.

- Юбка? - спрашивает, слегка приподнимая брови и стараясь придать своему голосу непринужденность. Он кладет руку на мое колено и с мягкой улыбкой добавляет: - Отлич-

ный выбор!

- На что только не пойдешь, чтобы тебя впечатлить, - смеюсь я, стараясь скрыть лёгкую неловкость. Ведь с моим скудным гардеробом мне не тягаться с девушками на его тусовках, которые всегда выглядят безупречно, словно сошли с обложек модных журналов.

Но я никогда и не старалась с ними конкурировать. Мне достаточно того, что я вижу напротив: влюбленные глаза Тима, которые смотрят на меня с теплом и нежностью.

Мы обмениваемся ещё парочкой шутливых комментариев, и это помогает мне отвлечься от мрачных мыслей о доме.

- Куда едем? - интересуюсь я, стараясь уловить хоть какую-то подсказку в выражении его лица.

- Увидишь, - отвечает он с загадочной улыбкой, сохраняя интригу.

Вскоре мы оказываемся у дверей невероятно пафосного ресторана. Интерьер впечатляет: изысканная мебель, изящные светильники и мягкое освещение создают атмосферу утонченной роскоши.

Я не испытываю ни растерянности, ни замешательства, когда нас проводят к уединённому столику, потому что с Тимом я всегда и везде чувствую себя уверенно и комфортно, вне зависимости от обстановки.

Несколько минут изучаем меню, полное гастрономических изысков. Я заказываю салат, пасту “Карбонара” и малиновый чизкейк. Однако, на самом деле, сегодня мне доста-

точно только фирменного салата Цезарь.

Остальные блюда я сразу прошу упаковать с собой, думая о Костике. Уже представляю, как он обрадуется.

Тим лишь слегка хмурится, ведь он вполне может позволить себе заплатить, даже если я решу выбрать всё меню по списку для брата.

Он уже открывает рот, чтобы высказаться на этот счёт, я готовлюсь привычно отнекиваться, и в этот момент в зале ресторана появляется шумная компания молодых людей и девушек, привлекая к себе внимание громкими разговорами и смехом.

- Смотри, вон там Тимур Закиров! - восклицает одна из девушек, слегка толкая локтем подругу.

Всё их внимание переключается на нас.

Они подходят, обмениваются приветственными фразами с Тимом. На их лицах читается беззаботность и непринуждённость, пока парни оживлённо рассказывают о своих последних крупных покупках и впечатлениях от путешествий, а девушки свободно обсуждают тренды и планы на выходные.

- Выбираю себе “Ламборджини”, вот только с цветом салона пока не определился. Что сейчас в актуальном?

- Вроде бы в моде нейтральные оттенки с акцентной строчкой.

- Слышали? На следующей неделе открывается новый клуб, там обещают что-то невероятное. Давайте сходим?

- Тим, ты как? Присоединишься?

- Нет, я пас, - отвечает Тимур, на мгновение он пересекается со мной взглядом, и я едва заметно киваю, давая ему понять, что не против если они ненадолго займут его внимание разговорами.

Для его друзей меня словно не существует, но это нисколько меня не тревожит. Здесь я предпочитаю оставаться сторонним наблюдателем, и пока они продолжают обсуждать свои планы, размышляю о том, как всё просто в их мире дурных денег и безграничной власти.

Вот уж, действительно: “У каждого свои проблемы - у кого-то хлеб чёрствый, а у кого-то бриллианты мелкие!”

Нет, зависти я не испытываю, скорее, это лёгкое изумление от того, что в наше время кто-то живёт столь богато и беззаботно, не задумываясь о стоимости каждого дня. Им и невдомёк, что некоторые собирают на хлеб и молоко. И для таких как я, большинства, каждое решение - это взвешивание, планирование и поиск компромиссов: фрукты к ужину или кусок курицы, потому что по цене это практически одно и тоже.

Нет, я не жалуюсь, а просто наблюдаю и делаю выводы, как разные горизонты и возможности формируют наши желания и цели. То, что я имею сейчас, учит меня ценить простые радости, находить удовлетворение в малом и мечтать о будущем, где будет больше свободы.

Наверное, поэтому при выборе профессии я остановилась

на юриспруденции, чтобы после защищать интересы тех, кто нуждается в поддержке, помочь людям отстоять свои права и найти справедливость там, где её казалось бы нет.

Поступить или не поступить - так вопрос для меня не стоял. Для таких как я: только поступить и только на бюджет со стипендией, потому что иных вариантов для нас - детей среднего класса или бедного большинства - просто не существует.

Глава 4

После ужина мы едем на “Патрики”. Тим берёт меня за руку, одним плавным движением переплетает наши пальцы и тянет за собой.

Это словно обязательный обход, когда ты должен появиться в столичной тусовке, чтобы не подумали, что в твоей жизни что-то круто изменилось, причём в худшую сторону.

Что может произойти? Да что угодно!

Например, родители из-за публичного скандала могли лишить тебя доступа к финансам и заблокировать карты. Или, возможно, у семьи возникли проблемы с законом, а, может, кого-то наказали за уличный стритрейсинг, отобрав на время “тачку”. Или, быть может, кто-то из родных вообще решил, что хватит жить на предоставленные блага, и поставил условие - начинать самостоятельную жизнь.

На самом деле, причин для домыслов и сплетен может быть множество, когда речь идёт о “золотой” молодёжи. Важнее всего - сохранять видимость абсолютного спокойствия и уверенности в том, что всё под контролем.

Мы периодически останавливаемся, потому что кто-то перекидывается с Тимуром парой слов, кто-то дружески похлопывает по плечу. Каждый стремится оставить о себе напоминание - улыбкой, короткой фразой, вопросом о последних новостях или обменяться парой свежих слухов.

От меня не ускользает, как на Тимура смотрят девушки. Их взгляды полны заинтересованности и восхищения. Такое пристальное внимание со стороны противоположного пола для него почти обычное дело, на которое он, кажется, уже давно не обращает внимание. А вот я замечаю, как некоторые из них поправляют волосы или соблазняюще улыбаются, явно надеясь на большее.

Однако моя рука в его руке не требует комментариев; эта простая деталь говорит сама за себя, напоминая всем вокруг, что он не свободен. Не удивлюсь, если окружающие задаются резонным вопросом: “Что он в ней нашёл?”

Сама не понимаю, но, несмотря на это, мы вместе.

Сделав обязательный “круг почёта”, затем мы едем к нему и уже там, расположившись на удобном диване, обложившись подушками и учебниками, просто наслаждаемся обществом друг друга.

Я, полулёжа, вслух читаю параграф; моя голова у него на груди, тогда как Тим пальцами неспешно выводит круги на моём плече. Время от времени, зарывшись носом в мои волосы, он нежно щекочет мой затылок своим дыханием.

Обычно наши вечера проходят спокойно, но, видимо, не сегодня.

В разгар наших попыток разобраться в тонкостях понятий “деликт” и “возмещение ущерба” телефон Тимура несколько раз оживает настойчивым звонком - это его отец.

Экран телефона мигает, выводя имя звонящего, но Тим,

нахмурившись, продолжает его игнорировать. Я замечаю, как его внимание всё же ускользает от учебников, и напряжение нарастает.

Несколько минут тишины, и телефон начинает звонить снова.

С явным раздражением Тим все же принимает вызов и, поднявшись, предусмотрительно прикрывает динамик рукой, а затем и вовсе направляется на балкон. Понимая, что разговор, вероятно, конфиденциальный, я остаюсь на месте.

- Нет. Это не обсуждается.

Тим закрывает дверь, и дальше до меня доносятся только невнятные обрывки слов, иногда голос Тимура становится чуть громче, тон жёстче, словно он пытается отстоять свою позицию, но фраз разобрать невозможно.

Я стараюсь не вслушиваться, понимая, что это его личное дело. Вместо этого пытаюсь сосредоточиться на теме, которая ещё минуту назад казалась невероятно сложной и запутанной.

Но невольно мои мысли то и дело возвращаются к происходящему на балконе. Очевидно, что этот разговор непростой. Кажется, что какие-то важные вопросы и решения, касающиеся его семьи, обсуждаются прямо здесь и сейчас.

Я замечаю, когда Тим завершает звонок и кладет телефон в карман. Однако сразу возвращаться не спешит. Ещё несколько мгновений он стоит, повернувшись ко мне спиной, крепко держась за хромированный парапет.

Вижу, как он напряжён, - мышцы на его спине явно натянуты, словно отражают некоторое внутреннее беспокойство. Кажется, что он изо всех сил пытается справиться с какими-то глубоко личными переживаниями.

Я стараюсь не привлекать к себе внимание, чтобы не обострять его состояние, но в то же время готова подойти, если потребуется. Однако, он делает глубокий вдох и возвращается сам.

- Что-то произошло? - спрашиваю я с заметным волнением в голосе.

- Ничего серьёзного, за что тебе стоит переживать, - отвечает он, стараясь успокоить меня, и подходит ближе. А потом наклоняется и припечатывает мои губы нежным поцелуем, словно заверяя, что всё будет хорошо.

Он отстраняется всего на несколько сантиметров и, глядя мне в глаза, произносит с извиняющейся улыбкой:

- Даш, но сейчас я должен срочно уехать.

- Хорошо, - отвечаю, стараясь придать голосу уверенности, несмотря на то, что испытываю лёгкое волнение. - Значит, едем.

Я понимаю, что дождаться его возвращения было бы гораздо проще для нас обоих, чем ему отвозить меня домой через весь город. Знаю: Тим был бы рад, если бы я осталась у него ночевать. Однако я искренне благодарна ему за то, что он не пытается меня переубедить, понимая, что это часть моей жизни и моей ответственности. Я никогда не оставляю

Костика одного.

Видимо, отъезд Тима касается его обязательств перед отцом.

Некоторое время он молчит, погружённый в свои мысли, а затем отрывисто бросает:

- Хочу независимости, чтобы не быть привязанным.

Глава 5

Спустя час я сижу на кухне, подперев голову кулаком, и наблюдаю, как Костик с видимым удовольствием уплетает подогретую мною “Карбонару”. В этом простом и обыденном действии есть что-то успокаивающее, но в то же время обстановка вокруг оставляет желать лучшего.

Старый кран монотонно капает, и каждая капля непрерывно действует на нервы, словно именно она должна стать последней каплей моего терпения. Мигание лампочки напоминает о том, что выключатель давно нуждается в замене. Но мне не до того, чтобы всё это чинить: старые проблемы копятся быстрее, чем находятся ресурсы и силы для их решения.

Из гостиной доносятся голоса мамы и нашего нового отчима. Он появился в нашей квартире не больше двух недель назад, и, как мне кажется, успел положить на меня глаз, потому что сейчас они с мамой довольно громко выясняют отношения.

Я же стараюсь сосредоточиться на звяканье вилки по тарелке и жеваниях Костика, который не обращает внимания на напряжённость вокруг. Надеюсь, что его детская наивность и завидный аппетит помогут ему не замечать сложностей взрослой жизни, которые однажды так или иначе, но придётся ему объяснить.

- Знаешь, - говорит он с набитым ртом, - когда я вырасту, то стану мукбанг-видеоблогером.

- Что? - морщусь я, потому что это даже звучит не очень.

Костик, продолжает с энтузиазмом, смачно всасывая последнюю спагеттину ртом:

- Ну, это тот, кто ест на камеру, - деловито поясняет он. - Я буду пробовать всякие вкусности и показывать это онлайн.

- Откуда у тебя появятся деньги на вкусности, если ты не найдешь нормальную работу? - интересуюсь я, пытаясь вернуть его в более приземлённые мысли.

Хмыкаю. В таком возрасте все мечты кажутся осуществимыми, и даже идея сидеть перед камерой и есть превращается в занятие, достойное будущего.

Его, кажется, мой скептицизм нисколько не смущает:

- Я накоплю, - отвечает он беззаботно. - Или у меня будет много подписчиков, и они будут отправлять деньги.

- А ты думаешь, за это хорошо платят? - спрашиваю я.

Он серьёзно кивает.

- Конечно, ведь все любят смотреть, как кто-то наслаждается вкусной едой, - отвечает он, будто это самый очевидный в мире факт.

- Костик, чтобы иметь деньги, необходимо много работать, а для этого получить нормальную профессию, поэтому нужно учиться, - пытаюсь объяснить я.

- Но твой Тим же не работает! И у него всё есть, - возражает он, желая найти простое решение.

Я вздыхаю, осознавая, как дети могут замечать такие детали и как важно дать им правильное объяснение.

- Тимур может позволить себе не работать, потому что ещё учится, - продолжаю я, - а ещё потому что пока его содержат родители. Вообще, это плохой пример.

- Почему? - спрашивает Костик, слегка нахмурив брови. Его видимое недоумение говорит о том, что он действительно хочет понять.

- Потому что для нас с тобой это неосуществимо, - отвечаю я, пытаясь объяснить сложность нашей ситуации. - У всех разные условия жизни, и нам важно строить своё будущее, опираясь на то, что имеем.

Костик задумчиво кивает. Я треплю его по волосам и забираю грязную тарелку со словами:

- Давай ложиться. Завтра рано вставать.

- А ты останешься ночевать со мной?

Я просто киваю, понимая, что это суровая необходимость. Перспектива возможных событий заставляет меня спать в его комнате на полу. Боюсь, что если останусь на диване в гостиной, то стану вероятной причиной новых скандалов между мамой и отчимом.

***

Утром я готовлю завтрак, собирая брата в школу; сама ограничиваюсь только бутербродом и чаем.

Проверяю, чтобы у Костика всё было готово - учебники, тетради, чистая форма. Хватаю свой рюкзак, и мы с ним вы-

ходим из дома вместе.

Как только оказываемся на улице, я замечаю у нашего подъезда припаркованный чёрный седан представительского класса с тонированными стеклами.

- Беги, - говорю брату, а сама останавливаюсь.

Внутреннее чутьё подсказывает, что это ко мне. И я даже знаю, кто это может быть.

Стараясь не показывать своего волнения, я останавливаюсь перед роскошным автомобилем.

Как только Костик скрывается за углом дома, передняя дверь открывается, и из машины выходит мужчина в строгом костюме. Похоже, он телохранитель - его осанка и уверенные движения не оставляют сомнений. Не произнося ни слова, открывает для меня заднюю пассажирскую дверь, приглашая в салон.

- Доброе утро, Равиль Галиевич, - говорю я, собравшись с духом и заглядывая внутрь.

Это отец Тимура. Понимаю, что если столичный мэр вдруг решил встретиться со мной лично, значит, игнорировать его просто невозможно.

Заметив мой вопросительный взгляд, он сдержанно кивает в ответ, приглашая меня сесть рядом.

В салоне царит атмосфера сдержанного люкса, каждый элемент указывает на высокий статус его владельца. Осознание того, что нам предстоит важный разговор, заставляет меня держаться напряжённо, но я стараюсь сохранять спокой-

ствие.

Глубоко вдохнув, я принимаю приглашение и забираюсь внутрь, хотя бы для того, чтобы узнать цель его визита.

- Едем, - произносит ровный холодный баритон, как только телохранитель снова занимает своё место на переднем пассажирском сидении. Вроде бы и голоса ни на ноту не повысил, а в каждой букве приказ и невозможность ослушаться.

- Куда? - интересуюсь я.

- В университет. У тебя первая пара через сорок минут, - отвечает он спокойно, будто это что-то само собой разумеющееся.

- Но вы же здесь не для того, чтобы довести меня до учёбы, - замечаю я, прекрасно понимая, что такая высокопоставленная персона как Равиль Галиевич не будет тратить своё время на пустые жесты.

- Мне нравятся умные люди, - смеется он. И от этого смеха у меня почему-то все нервные окончания разом ощетиниваются!

Глава 6

- Раз ты предлагаешь, тогда перейдём сразу к сути: я хочу, чтобы вы с Тимуром расстались, - говорит он. Его тон настолько будничный, что складывается впечатление, будто он обсуждает что-то совершенно незначительное, вроде прогноза погоды на день. Однако смысл сказанных им слов заставляет моё сердце ухнуть в груди, словно к нему привесили 32-х килограммовую гирю.

На мгновение я даже теряю дар речи, стараясь осознать, что это действительно происходит. Но, судя по его спокойному взгляду и уверенному поведению, становится понятно, что этот человек абсолютно серьёзен, а, главное, он привык добиваться своего, используя как убеждения, так и все виды давления, начиная с психологического и заканчивая... Ох, даже предполагать не хочу!

Пока он начал с уговоров.

- Почему? - наконец-то спрашиваю я, стараясь держать голос ровным, хотя внутри всё кипит от возмущения и недоумения.

Равиль Галиевич смотрит на меня пристально, его тёмные глаза будто препарируют моё сознание, словно стремясь докопаться до всех моих “скелетов в шкафу”, хотя сколько их у меня, по пальцам одной руки можно легко пересчитать!

- Это очевидно: вы с моим сыном не пара.

Для меня это также очевидно, но слышать это от него необычайно болезненно.

Несмотря на то, что он сохраняет доброжелательный тон, в его глазах лишь непреклонная решимость человека, который привык расставлять всё по местам не только в своей жизни, но и жизнях других людей.

- Неблагополучная семья, - продолжает он, с ледяной точностью указывая на тот факт, который, по его мнению, является важным аргументом. - Критическое финансовое положение, - добавляет он, жёстче, словно подчеркнув, что считает этот аспект решающим для будущего совместного счастья.

Я сглатываю.

- Отсутствие перспектив, - его слова звучат с такой уверенностью, будто у него есть список данных, доказывающих несостоятельность моих надежд и планов.

Будучи вежливым и дипломатичным, он всё же остаётся беспощадным в своих оценках, не оставляя места для компромиссов.

- Несерьезное отношение к жизни, - заключает он, подводя, как ему кажется, безупречную черту под моим резюме.

Чувствую, как во мне зарождается протест. “Так нельзя!” - буквально вопит внутренний голос, но мозг просит подождать. Выдыхаю и отвечаю, стараясь сохранять спокойный тон:

- С последним готова спорить до хрипоты.

Равиль Галиевич усмехается, словно мои ответы ему нравятся, но это не меняет его оценок.

- Зря. Если бы это было не так, то ты бы осознавала, что тащишь Тимура на дно, сознательно лишая его всех возможных перспектив.

- И каких же?

- Ему светит карьера столичного прокурора, с высокими шансами вырасти до областного уровня. Ты же держишь его привязанным к менее значимым выборам.

Он делает акцентную паузу, словно даёт мне время осознать свои слова, а затем продолжает:

- С тобой он станет следаком, потом, может быть, доберётся до начальника отдела, но разве это то, ради чего он учится? - продолжает Равиль Галиевич, не смягчая своего взгляда. - Все эти годы усилий и пота ради посредственного результата?

В его голосе невольно проскальзывает пренебрежение, словно он не может понять, зачем молодым людям ставить перед собой такие ограниченные цели.

Слушаю его и смех разбирает. Невеселый смех, потому что многие из нас, те, что сейчас учатся на юридическом, да что там, большая половина мечтает дослужиться до начальника отдела! Для меня, как и для остальных - это вершина возможных достижений, некий символ успешности, хотя в действительности такое положение может стать лишь началом. Но все эти “действительности”, очевидно, не для про-

стых смертных.

- Что мешает ему со мной оказаться на вершине карьерной лестницы?

- Ты, - отвечает Равиль Галиевич спокойным тоном. - Понимаешь, в нашем мире крепкие связи решают почти всё. Женитьба Тимура на дочери министра юстиции могла бы открыть перед ним все двери.

Его слова пытаются поколебать мою уверенность, и я стараюсь удержать равновесие в своём мировосприятии.

- А как же любовь?

Чувствую, как дыхание замирает, а потом и вовсе останавливается, пока жду его ответ.

Он сдержанно смеётся, словно ожидал от меня чего-то подобного.

- Увы, в условиях серьёзной конкуренции она зачастую является не решающим фактором, а скорее, мешающим препятствием. Устойчивые отношения в современном мире, Даша, требуют максимально прагматичного подхода.

Равиль Галиевич сдвигает манжет рубашки и бросает взгляд на дорогущие наручные часы, словно подчёркивая, что время, отведённое на наш разговор, подходит к концу.

- Здесь нет ничего личного, - заканчивает он уверенно. - Ты мне нравишься. Это просто вопрос перспектив.

А дальше он обращается уже к водителю:

- Алексей, приехали? Высаживай девушку. У нас через сорок минут встреча в центре.

Становится очевидно, что мои ответы ему не так уж и важны; мне остаётся только принять решение. Подобное невысказанное давление заставляет задуматься о серьёзности последствий от выбора, который я должна буду сделать.

Вот так, ещё никаких угроз, а у меня душа в пятках! Едва выхожу из машины на ватных ногах.

Глава 7

На парах сижу, как прибитая. В сознании раз за разом прокручиваю разговор с Равилем Галиевичем. Его слова будто бы застряли в голове, не давая покоя. Всё, о чём он говорил, и то, с каким это было сказано пренебрежением, заставляет меня задуматься не о расставании с Тимом, а о собственных целях и стремлениях.

Монотонный голос лектора по уголовному праву рассказывает о составах преступления, анализируя его элементы: объективную и субъективную сторону, а я никак не могу сосредоточиться на предмете.

Вместо этого в моей голове снова и снова всплывают детали недавней неприятной беседы, а воображение дорисовывает фигуру Равиля Галиевича рядом, словно он продолжает говорить со мной, ставя под сомнение мои представления о будущем.

- Как бы блестяще ты ни училась, через пару лет так или иначе оденешься в форму участкового и будешь разбираться с привычной рутиной. Представь, вокруг тебя весь этот повседневный хаос, а ты зависишь от распоряжений начальства сверху и сталкиваешься с бытовыми проблемами пьющих местных маргиналов. У тебя нет ни влиятельных знакомых, ни финансовой подушки, и вот ты осознаёшь, что твои амбиции и потенциал оказались только частью непосильной

ноши, которую без поддержки и связей трудно нести.

Я даже пытаюсь ему внутренне возразить, но не нахожу нужных слов, а Равиль Галиевич продолжает, не давая мне шанса на ответ:

- Знаешь, в какой-то момент ты поймёшь, что не имея нужных ресурсов, рано или поздно ты выдохнешься. Твои старания, к сожалению, разобьются о суровую реальность, если ты не найдешь эффективных вариантов пробиться вперёд. А вот мой сын в этом году заканчивает учёбу, и с моими связями и поддержкой он построит блестящую карьеру.

Его прямолинейные слова звучат горько, оставляя гнетущее впечатление безнадёжности. Он как будто подсвечивает различия между возможностями, доступными разным людям, и эти слова лишь усиливают внутреннее чувство несправедливости и заставляют задуматься над классовым неравенством, которое, якобы, победили ещё в СССР.

Преподаватель, заметив мой отстранённый вид, вдруг останавливается и смотрит в мою сторону:

- Дарья, вы, кажется, глубоко задумчивы. Может, поделитесь с нами своим мнением на тему видов соучастия в преступлении? Объясните, в чём заключается различие между пособничеством и подстрекательством?

Я тут же выныриваю из собственных мыслей, пытаюсь собрать воедино всё, что слышала, чтобы не показаться неподготовленной, и отвечаю:

- Конечно, соучастие в преступлении предполагает, что

несколько лиц совместно совершают преступное деяние. Подстрекательство - это одна из форм соучастия, когда лицо умышленно побуждает другое лицо к совершению преступления, используя уговоры или иные формы воздействия.

Преподаватель одобрительно кивает, и я чувствую, что постепенно вхожу в нужный ритм обсуждения.

Реальность втягивает меня в учебный процесс. Ведь вся ответственность за успех обучения лежит исключительно на мне, потому что надеяться приходится только на себя.

В обед, пока большинство сокурсников стекается в столовую, наслаждаясь перерывом и возможностью пообщаться, я стою у кофейного автомата, перебирая жёлтенькие "десятки" в ладони; прикидываю, хватит ли моего скромного бюджета на чашку кофе.

В этот момент внезапно ощущаю, как тяжёлая рука ложится на моё плечо, приобнимает меня. А рядом на подоконнике появляется стаканчик с восхитительным ароматом кофе на вынос из "Шоколадницы", а ещё бумажный пакет со свежей выпечкой.

- Знал, что найду тебя тут, - тихо шепчет Тим, едва касаясь губами моего виска. Сердце слегка подпрыгивает.

Его тёплое дыхание нежно шевелит мои волосы. В этот момент я позволяю себе забыть обо всём, просто расслабиться и насладиться присутствием Тимура рядом, чувствуя, как внутреннее напряжение постепенно отпускает.

- Спасибо. Я соскучилась, - также тихо произношу я, нахо-

дя и сжимая его руку. Эти простые слова передают все чувства, которые накопились за те полдня, пока мы были не вместе.

- Я тоже, малышка... - он целует меня в макушку, - очень.

Откидываю голову назад, ему на грудь, закрываю глаза и делаю глубокий вдох:

- Твой отец приезжал ко мне утром, - произношу медленно.

Сразу чувствую, как он напрягается всем телом.

- Что он хотел?

- Слушай, Тим, я не хочу... - вздыхаю. Несколько обречённо пожимаю плечами. - Не хочу становиться причиной конфликта между вами.

Я оборачиваюсь и встаю перед ним. Он нежно берёт моё лицо в ладони и отвечает, поглаживая скулы большими пальцами:

- Можешь не говорить, - несмотря на мягкость прикосновений, его голос твёрд, - я знаю, что он хотел. Пусть катится к чёрту! Я уже всё решил с работой, - продолжает он, глядя мне прямо в глаза, - и если потребуется, я съеду из квартиры родителей, чтобы не зависеть от их давления и упрёков.

Он наклоняется, удерживая в руках моё лицо и прижимаясь своим лбом к моему, а затем закрывает глаза.

Мгновение мы так и стоим, просто взахлёб дышим друг другом.

Иногда мне кажется, что Тим пытается что-то вдохнуть

через меня. Что я для него не просто девушка, а воздух, в котором он нуждается.

- Даш, всё будет хорошо, - запальчиво, с какой-то внутренней злостью и решимостью произносит он. - Не хочу, чтобы ты волновалась. В этом нет смысла, так как у меня всё под контролем.

Глава 8

Последующие три дня обернулись затишьем - Равиль Галиевич не давал о себе знать. Но я не питала иллюзий: рано или поздно он снова должен был появиться, чтобы получить ответ.

Так и случилось. В конце учебного дня, когда у меня уже закончились пары, но у Тима оставались ещё две, я замечаю знакомый представительский седан на университетской парковке. Машина мэра резко выделяется среди прочих автомобилей.

Уже знакомый ранее телохранитель, а, может, просто похожий на него, едва заметив меня, выходит из машины и приближается ко мне с просьбой подойти к автомобилю. Неожиданность момента заставляет моё сердце сжаться от волнения, несмотря на предчувствие этой встречи. Но я готова.

Сделав глубокий вдох, я направляюсь к седану. Сжав губы, чтобы не дрожали, заглядываю внутрь салона.

- Садись, садись, Даша, - говорит Равиль Галиевич, похлопывая по сиденью рядом с собой. Он произносит это с тем самым оттенком пренебрежительного добродушия, свойственным людям власти, которые привыкли к общению с электоратом и участию в дебатах. - Смотри, как погода испортилась! Дождь обещают. Я тебя как раз домой подброшу.

Колеблюсь лишь на долю секунды, понимая, что это часть его привычной манеры поведения, и плюхаюсь с ним рядом, больше всего в этот момент желая провалиться куда угодно, только бы не находиться в этой машине.

- Едем, Алексей, - говорит он водителю, как только телохранитель занимает своё место на переднем пассажирском сиденье. Затем Равиль Галиевич сразу же переводит взгляд на меня, очевидно, ожидая моего ответа.

- Ну так, что? - его голос звучит мягко, но в то же время с долей настойчивости, характерной для людей, привыкших добиваться своего. Наш разговор ещё не начался, а между строк уже читается его основное требование: никаких компромиссов.

- Нет, - говорю я, стараясь быть с ним максимально честной и открытой. - Нет, вы не правы. Если Тимур захочет, он добьётся карьерного успеха и без вашей помощи.

Я решаю подкрепить свои слова примерами из реальной жизни:

- Взять хотя бы министра иностранных дел, - добавляю я, вспомнив одного из известных политиков. - Он ведь вышел из простой семьи, а достиг такого высокого положения благодаря своему труду и таланту. Есть много таких случаев, когда дети, опираясь на свои способности и упорство, добиваются успеха без протекции.

Равиль Галиевич смеётся.

- За знание истории - четыре, но с большой натяжкой, - го-

ворит он, явно наслаждаясь своей ролью наставника. - Отец министра иностранных дел России был простым тбилисским армянином, а мать - русской, но работала в Министерстве внешней торговли СССР. Понимаешь, к чему я веду?

Я прикусываю губы.

- Будь дальновиднее, - продолжает он. Говорит, не глядя на меня, его глаза, полуприкрытые тяжёлыми веками, неподвижно устремлены вперёд, и только жесткая складка вокруг губ выдает его напряжение. - Да, сейчас вы с моим сыном влюблены. Но любовь - чувство непостоянное. Не лучше ли сделать выбор в пользу здравого смысла и той жизни, которую я могу предложить?

- Мне ничего не нужно, - отвечаю я. Может, это звучит излишне грубо, но только потому, что чувствую свою уязвимость. Однако он снова смеется, и этот смех теперь кажется мне унизительным.

- Я предвидел. - Он, держит паузу, которая только усиливает давление его слов. - Ну, а твой брат? Мать? Им тоже ничего не нужно?

Молчу, потому что сказать нечего.

- То, что вы называете любовью, на самом деле эгоизм и инфантилизм, - резко произносит Равиль Галиевич. Потом поджимает губы, словно негодуя, что ему приходится разжёвывать очевидное.

Его недовольство становится всё более явным: он краснеет, и вены на его шее начинают пульсировать, а непоколеби-

мая настойчивость в его тоне лишь усиливается.

- Я рад, что дорос до того, что осознал: смысл любви не есть влюбить в себя человека и удержать его рядом с собой. Но мы привыкли выдавать желаемое за действительное и романтизировать свои собственные недостатки.

Когда ты хочешь тактильности - это страсть.

Когда ты хочешь, чтобы о тебе всячески заботились, решали твои проблемы, делали тебе подарки, обеспечивали тебя - это инфантилизм.

Когда ты хочешь, чтобы тебя неистово любили, жить без тебя не могли, разделяли с тобой всё свое время и отвели всё остальное на второй план - это эгоизм.

Когда ты хочешь срочно родить ребенка от конкретного человека - это биология.

Когда ты хочешь, чтобы он срочно сделал тебе предложение - это зависимость от общественного мнения.

Когда ты любишь - то ничего не хочешь. Просто любишь. И отпускаешь!

Да, это не практично, иррационально и странно. Но именно это и есть любовь. Все остальное - просто человеческие страсти.

Любовь - не имеет практичного результата, - подытоживает он, повышая тон, будто пытаясь достучаться до моего понимания. - Нужно просто научиться называть всё своими именами, и тогда всё станет на свои места.

Как только я вижу свой дом, выдыхаю от облегчения.

Внутри всё скованно эмоциями от напряженной поездки, но знакомый вид обшарпанных стен родной “хрущёвки” дарит мнимое чувство относительной безопасности.

- Мы приехали, - говорю тихо.

Равиль Галиевич, просит Алексея остановить машину, потом оборачивается ко мне и, глядя в глаза произносит:

- Имей в виду, Даша, что я больше не буду уговаривать.

В его голосе слышится окончательность и определенность, как будто он подводит жирную черту под нашим разговором.

Глава 9

Дома картина всё та же: мама занята своими делами, Костик ещё гуляет где-то на улице, а на кухне за столом сидит отчим, который встречает меня сальным взглядом. Я стараюсь сохранять нейтральное выражение лица, не показывать внутреннего дискомфорта, который вызывает во мне этот чужой мужчина.

Бросив сумку на тумбочку в прихожей, я прохожу в гостиную.

- Этот к нам надолго, мам? - спрашиваю, испытующе глядя в мамину сторону.

Она отвлекается от телевизора всего на секунду, потом, с напускной беспечностью, пожав плечами, отвечает:

- Должна же я устраивать свою личную жизнь!

В её голосе проскальзывают те самые обвинительные нотки раздражения, которые я хорошо знаю и которые говорят о многом. Это звучит как немой упрёк, будто она действительно жалеет о том, что нас нарожала. Иногда мне кажется, что мама искренне считает, будто мы с Костиком вставляем ей палки в колеса каждый раз, когда она пытается создать семью с новым человеком.

- Ужин будет? - осторожно интересуюсь я, скорее не для себя, а потому что беспокоюсь за брата. В подростковом возрасте особенно важна рациональность питания.

- Будет, позже, - отвечает мама, не отрывая глаз от экрана. Тон её голоса звучит сухо, как будто это просто формальность.

Время от времени я задаюсь вопросом, где именно проходит граница между её правом на личное счастье и нашей необходимостью чувствовать безопасность и любовь.

Понимая, что разговор не имеет смысла продолжать, я тихо удаляюсь в комнату Костика, оставляя маму наедине с её нелепыми телепередачами.

От ощущения тоскливой безысходности на мгновение перекрывает дыхание. Но я не плачу. Никогда.

Слёзы - в моём случае, это роскошь, а не показатель страданий.

К чему я стремлюсь? Моя главная цель: выбраться из всего этого дерьма, выбиться в люди, обрести независимость и забрать брата. Показать ему, что можно жить по-другому: быть сильным, здоровым, крепким, умным, образованным, успешным, а не сутулым и кашляющим “хозяином жизни” с бутылкой пива и сигаретой в руке.

Пока есть время, я с головой зарываюсь в учебник по криминалистике, стараясь отвлечься от тяготящей реальности и сосредоточиться на учёбе. От нового параграфа меня отрывает звонок телефона. Это Тим:

- Привет, - говорит он, и от его голоса моё сердце радостно подпрыгивает к горлу.

- Привет, - отвечаю я, и чувствую, как мои губы невольно

растягиваются в счастливой улыбке.

- Даш, я немного задержусь сегодня. Приеду к тебе вечером.

- Тебе поменяли расписание пар?

- Нет, - он пытается ответить безмятежно, но в его голосе проскальзывала тревожная нотка напряжения. - Появились неотложные дела. - Я не вижу, но мне кажется, что он слегка морщится, когда произносит это.

В такие моменты приходится напоминать себе, что не всё в нашей жизни идёт так, как нам хочется.

- Поняла, - отвечаю я. - Это даже неплохо, потому что у меня будет время заняться ужином. Позвони, когда сможешь.

С тихим вздохом иду на кухню, где, не обращая внимания на присутствие отчима, я открываю практически пустой холодильник. Из скудного набора овощей выбираю свёклу, капусту и пару картофелин, решив приготовить Костику борщ.

Мяса в доме давно нет, но мы с ним непривередливые. Главное, чтобы было вкусно и хоть немного согревало изнутри.

Машинально веду плечами, словно пытаюсь стряхнуть с себя мужской прилипший взгляд. В кухне висит молчание, но я знаю, что скоро оно будет нарушено.

- Опять суп? - звучит у меня за спиной. Голос отчима слегка насмешливый, но я привыкла не реагировать.

- Да, - односложно отвечаю я, продолжая нарезать овощи.

Знаю, что вступление с ним в долгий диалог редко приносит что-то хорошее.

- Знаешь, Дашка, ты могла бы готовить что-то поинтереснее, - продолжает он.

- Готовлю из того, что есть, - спокойно произношу я, стараясь не показывать раздражения. - Костику нравится.

Мужчина как-то неприятно двусмысленно хмыкает:

- А если я принесу продуктов, приготовишь что-нибудь для меня?

Меня прямо так и передёргивает, но я продолжаю своё дело. В такие моменты стараюсь мысленно перевести его подобные комментарии в белый шум, сосредоточившись на простых движениях ножа.

Решаю, что правильнее будет просто промолчать, потому что уже знаю, что такие разговоры лучше заканчивать на начальной стадии.

Поздно. В этот момент в дверях кухни появляется мама. Я замечаю, как её подозрительный взгляд скользит от меня к отчиму и обратно.

- О чём это вы тут договариваетесь? - она недовольно поджимает губы.

- Просто еду обсуждали, - спокойно говорю я, напрасно пытаясь разрядить обстановку.

- Еда, значит, - повторяет она. Подходит ближе и уверенным движением забирает у меня нож. - Иди, Даш. Я тут сама.

Мама берётся шинковать капусту. Её голос становится

резче, и мне остаётся только надеяться, что они смогут уладить всё, не вовлекая в это меня:

- Значит, любишь пожрать у чужих баб!

- Да ладно тебе! - он пренебрежительно отмахивается. - Я же шучу! - Но это лишь подливает масла в огонь.

Атмосфера в кухне явно накаляется, и я осознаю, что лучше не оставаться здесь дольше.

Дважды повторять мне не надо. Ухожу, стараясь не смотреть ни на маму, ни на отчима. Знаю, что их перепалка сейчас выльется в очередной масштабный конфликт с громкими выяснениями отношений.

Клянусь, иногда просто хочется выть, да стены мешают!

Едва я возвращаюсь в комнату Костика, как слышу, что звонит телефон. Взгляд падает на экран - скрытый номер. Несколько долгих мгновений я смотрю на него, раздумывая, стоит ли отвечать. В конце концов, решаюсь и принимаю вызов.

- Слушаю, - произношу осторожно.

- Даша, - голос на другом конце провода заставляет меня вздрогнуть. Я мгновенно узнаю его: это Равиль Галиевич. - Я за тобой Алексея послал. Он, наверняка, уже у подъезда ждёт, - продолжает он. - Окажи мне уважение, съезди с ним ненадолго.

- Куда? - спрашиваю я, пытаясь понять, что именно он от меня хочет.

- Не беспокойся, - спокойно продолжает Равиль Галиевич.

- Хочу открыть тебе глаза. Сама посмотришь, сделаешь выводы. Ты девочка умная.

Глава 10

Я отчётливо понимаю, что эта поездка точно не сулит ничего хорошего, но есть люди, которым не отказывают. И отец Тимура - один из них.

Тяжело вздохнув, накидываю куртку и выхожу из подъезда. Под барабанную дробь сердца иду к знакомому чёрному седану и сажусь в него.

Водитель молча кивает, заводит машину и трогает с места. В шикарном салоне очень тихо, практически фоном играет классическая музыка, но её напряжённые басы только усиливают моё беспокойство.

Куда меня везут?

Судя по направлению, мы двигаемся в самый центр, а это уже не так страшно, как если бы мы ехали куда-нибудь загород.

Я пытаюсь сохранять спокойствие. Поток машин, фар и свет уличных фонарей мелькает за окном, размеренная вибрация двигателя не мешает мне сосредоточенно перебирать в голове многочисленные варианты дальнейшего развития событий, но тревога никуда не уходит.

Пару раз я пытаюсь дозвониться Тиму, но сразу попадаю на автоответчик.

Мы продолжаем двигаться по улицам города, и вскоре я замечаю, что, вероятнее всего, меня везут к одному из ре-

сторанов, где часто обедает Равиль Галиевич.

Может быть там пройдёт ещё одна наша встреча?

Так и есть. Когда машина останавливается у одного из ресторанов в Хамовниках с большими панорамными окнами, я даже с некоторым облегчением выдыхаю.

Сквозь прозрачные, натёртые до безупречного блеска стёкла видна вся изысканная внутренняя обстановка. Интерьер впечатляет своим элегантным дизайном: мраморные полы, позолоченные светильники, мягкое освещение. Всё здесь кричит о роскоши.

За большими столами из тёмного дерева сидят респектабельные посетители, беседующие в расслабленной, но утончённой атмосфере. Мужчины в костюмах, некоторые с безупречно завязанными галстуками, другие в небрежно-высокомерной манере с распахнутым воротом на белоснежных рубашках, и, конечно, женщины в элегантных платьях. Между ними снуют официанты в белых перчатках, разнося по залу на подносах блюдо за блюдом.

Стройные ряды стеклянных бокалов переливаются в свете хрустальных люстр, создавая атмосферу эксклюзивности, а густое золотистое свечение дополняет общее ощущение уединённости и элитности заведения.

Мой взгляд не сразу находит среди всех этих людей Тимура, но он там точно есть. Я вижу его, сидящим за одним столом с Равилем Галиевичем и ещё одним взрослым мужчиной представительной внешности, а рядом с Тимом зани-

мает место ухоженная, молодая привлекательная брюнетка.

По всей видимости, они обсуждают что-то лёгкое, несерьезное, потому что время от времени обмениваются улыбками. Такое ощущение, что все четверо просто наслаждаются вечером в хорошей компании.

Девушка слушает разговор, иногда кивая, и, кажется, находится в полном согласии с происходящим вокруг. Временами она и Тимур склоняют друг к другу головы, очевидно, обмениваясь тихими репликами или личными комментариями.

Во рту пересыхает, и я несколько раз нервно облизываю губы.

Их общение выглядит естественным и непринуждённым, что создаёт впечатление, будто они давно знакомы и им приятно проводить время в обществе друг друга.

В какой-то момент я замечаю, как Равиль Галиевич бросает взгляд в сторону улицы, туда, где припаркован его автомобиль. Кажется, что он смотрит прямо на меня.

Затем, по всей видимости, он извиняется перед остальными, поднимается и отходит в сторону, поднося телефон к уху.

Я уже понимаю, что сейчас последует важный звонок.

Как только замечаю, что мой телефон начинает упорно вибрировать, бессознательно натужно сглатываю и быстро беру трубку.

- Алло? - чувствую, как дрожит мой голос. Ей Богу, в этот самый миг мне хочется стать слепоглухонемой.

На другом конце раздаётся ровный голос Равиля Галиевича:

- Думаю, что я должен объяснить ситуацию, не вдаваясь в долгие предисловия. В данный момент за столом с нами находится министр юстиции. Как ты понимаешь, человек весьма влиятельный. А девушка, которая сидит рядом с Тимуром, это его дочь, - говорит он, делая небольшую паузу, чтобы подчеркнуть важность следующих слов, которые звучат безэмоционально, но твёрдо.

Я молчу, даже не потому, что сказать нечего, а из-за того, что в горло, будто серной кислоты плеснули.

Дыши, глупая!

- Их отношения уже давно на серьёзной стадии, - произносит он, не давая мне возможности вмешаться или задать вопросы. - Думаю, ты сама понимаешь, что в этой ситуации тебе, к сожалению, не отводится какого-либо места.

На несколько секунд я будто бы выпадаю из реальности… Они выглядят счастливыми, но, главное, подходящими друг к другу.

- Мне сложно об этом говорить, но понимаю, что это необходимо, - продолжает Равиль Галиевич. - Мой сын сам не мог сказать тебе об этом. Он переживает и жалеет тебя. Да, вы любили друг друга, были важны друг для друга, но было и прошло. Сейчас обстоятельства изменились.

Кажется, я глохну от стука собственной крови в ушах, но продолжаю слышать.

- Это важно для его будущего, - добавляет и подытоживает он. - Если Тимур тебе не безразличен, ты примешь это решение.

За это короткое мгновение его слова вытаскивают из меня душу.

Молча киваю, хотя он и не может это увидеть, и понимаю: это решение уже принято: за меня, за него, за нас, и мне тоже остаётся с ним только согласиться.

Глава 11

Всё. В голове только белый шум.

Я не помню, как отключаю звонок и автоматически кладу телефон в карман. Автомобиль, кажется, сам трогается с места, отвозя меня назад к подъезду старенькой хрущёвки.

Успеваю только взглядом выхватить лицо Тимура, который смотрит на девушку рядом с собой и улыбается ей. От этой его улыбки, предназначенной не мне, физически становится больно.

“Да, вы любили друг друга, были важны друг для друга, но было и прошло…” - вспыхивают в сознании слова Равиля Галиевича…

Кажется, что моё хрупкое сердце больше не бьётся, оно превратилось в тяжелый булыжник, и с каждой попыткой вдоха его теперь невыносимо тянет вниз. Слёзы катятся из глаз. По-видимому, мозг включает режим самоуничтожения.

Моя реакция не поддаётся никакой критике. Скорее, её можно назвать вопиющей… Глупость несусветная! Ведь я сама знала, что наши отношения с Тимуром Закировым - сыном столичного мэра, изначально были обречены… Мы слишком разные!

Для себя я всё решила: если Тим сам позвонит мне и честно расскажет, где и с кем он был, то это будет значить, что ему нечего скрывать. И, возможно, несмотря на трудности,

мы сможем вместе решить, как поступить. Наверное, в глубине души я всё ещё тешу себя крохотной надеждой.

Ведь так хотелось верить в сказку со счастливым концом! Хотя рациональная часть меня уже понимает, что это лишь самообман, и что сама жизнь требует от меня сделать трудный, но необходимый шаг вперёд.

А спустя пару часов, невидящим взглядом уставившись в молчащий экран своего телефона, я понимаю, что даже если этот разговор с Тимуром состоится, то он ничего не изменит. Лишь продлит мою агонию.

К утру я прихожу к выводу, что не могу каждый день просыпаться на мокрой от слез подушке.

Никто не в силах мне помочь, кроме меня самой.

Чисто механически делаю завтрак Костику, пью кофе и иду в университет, но не на пары, а сразу к деканат, где пишу заявление о переводе в другой ВУЗ.

В моём возрасте мыслишь слишком радикально. Увы, я не вполне отдаю себе отчёт в происходящем.

Секретарь смотрит на меня не иначе, как на умалишённую.

- Ты уже обратилась в принимающий вуз с заявлением о переводе? - спрашивает она, посмотрев на меня поверх своих очков.

- Нет, - отвечаю я.

- Так просто это не делается, - она качает головой; смотрит на меня с недоумением. Её взгляд задерживаются на моих

покрасневших, заплаканных глазах. - Нужно дождаться решения принимающего вуза, и, если там будут бюджетные места, что маловероятно, тогда оформлять отчисление из исходного.

- Но у меня нет столько времени, - пытаюсь слабо протестовать я.

- В какой город переезжаешь? Какой ВУЗ рассматриваешь? - продолжает расспрашивать она, видимо, пытаясь лучше понять мои намерения.

- Любой, - тихо отвечаю, чувствуя, как от напряжения дрожат руки. - Подойдет любой, с сохранением специальности.

Она снова бросает на меня долгий взгляд, явно пытаясь оценить степень моего отчаяния.

- Ох уж эта ваша первая любовь! - вздыхает взрослая женщина, глядя на меня с жалостью. - Зачем же из-за этого разрушать себе жизнь? Плюнь, перешагни и иди дальше! Ты понимаешь, что у тебя бюджетное место и стипендия?

Она делает паузу, словно даёт мне время всё взвесить, но я молчу.

- Ладно, - произносит чуть мягче, видимо, пытаясь проявить понимание к моей ситуации. Она вертит моё заявление в руках, будто проверяя на прочность бумагу. - Жди в коридоре.

Я выхожу и усаживаюсь на твёрдую деревянную скамью, слушая, как её шаги затихают по направлению к дверям кабинета декана.

Спустя двадцать минут она выходит из приёмной и начинает прямо с порога:

- Что же ты сразу не сказала, что за тебя ходатайствует Равиль Галиевич Закиров! - она обмахивается моим заявлением, словно взмокла от пота, добавляя: - Всё уже обговорено и подписано. Тебя ждут с документами в БЮИ МВД России, с сохранением стипендии и специальности. Считай, повезло!

- А где это? - сосредоточенно хмурюсь, пытаясь определить территориальность.

- В Сибири. Барнаульский юридический институт, - с невозмутимым видом отвечает она, протягивая мне документы. - Не тяни с отъездом.

Невесёлая улыбка сковывает мои губы. Как символично, особенно если провести параллель с ссылками туда неугодных в годы сталинских репрессий.

Вещей у меня особо нет, прощаться, кроме Костика не с кем, поэтому уже через два часа я сижу на столичном автовокзале, сжимая в руках билет в один конец, в ожидании рейсового автобуса.

Путь неблизкий: время в дороге 47 часов, но это меня не пугает.

Вокруг меня кипит жизнь: люди снуют туда-сюда, кто-то торопится на посадку, группка студентов оживлённо обсуждает что-то за углом, а неподалёку мужчина средних лет покупает себе беляш, видимо, слишком горячий, потому что потом он перехватывает его из руки в руку, энергично дуя.

Радостные и не очень лица мелькают мимо. Рядом проходит пожилая пара, обсуждая что-то между собой, их лица спокойны и дружелюбны. Недалеко возмущённо спорят двое мужчин, один из них сердито жестикулирует, не соглашаясь с собеседником.

Мимо меня идёт мамаша с маленьким ребёнком, который капризничает и настойчиво выпрашивает мороженое. Видно, как женщина устала от его бесконечных требований, и тем не менее отвечает мягким, но твёрдым голосом:

- Вот сначала сядем в автобус, а потом, если будешь хорошо себя вести, то на первой остановке куплю тебе мороженое.

Я же - реву. Беззвучно, стараясь не привлекать внимания. Если кто-то из прохожих и замечает моё состояние, виду не подаёт - чужие жизни и боль здесь никого не волнуют. Окружающие заняты своими делами, каждый в собственных проблемах и мыслях.

По громкоговорителю объявляют очередные рейсы, но их сложно разобрать, среди общего шума вокзала. Здесь все со своим маршрутом, пассажиры направляются в разные стороны - кто-то на юг, кто-то на запад, каждый устремлён в родные или совершенно новые места.

Я держусь за свою большую дорожную сумку - это всё, что беру с собой в новую жизнь - несколько личных вещей и воспоминания.

Да, уезжаю, даже не объясняясь.

Я делаю осознанный выбор, понимая и принимая его последствия, потому что боюсь, что, если просто увижу Тима… услышу его голос… то душераздирающие эмоции разрушат меня до основания окончательно. Поэтому и обрываю, так резко и некрасиво, в надежде на то, что он не станет меня искать…

Полагаю, так будет лучше для всех. Для него. Для меня.

С этого дня начинается новая страница моей жизни. Однако сейчас, сидя на вокзале в ожидании междугороднего рейсового автобуса, я ещё не знаю, что беременна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.